

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Тихо в городе Пекине

рассказ

Тихо в городе Пекине.
Спят на крыше воробы.
Два китайских мандарина
чешут головы свои.

Прекрасные стихи! Как не стихи? Да вы что! Все же есть. Все, что нужно. Экзотика и тут же обыденность, а кроме того — лиричность. Даже рифма присутствует, без особого блеска, но все-таки. А главное — настроение. Безмятежность и спокойствие. Именно то, что нам в жизни так не хватает.

Нет, это все-таки стихи!

Я их с детства помню. Про елочку, которая в лесу родилась, и вот это — о воробьях и мандаринах. Правда, одно время я не понимал, как мандарины могут чесать свои головы. Мне это представлялось фантазией, как в книжке

Джанни Родари «Приключения Чиполлино», где все овощи и фрукты, совсем как люди, имели руки, ноги и головы.

Впервые я попробовал мандарин в семилетнем возрасте.

31 декабря мама пришла с работы на час раньше.

Сказала, вот, выдали в местком, и протянула мне приглашение на новогоднее представление.

Билет был на 5 января.

Так я, еще не зная, что судьбой уготовано познать вкус мандаринов, впервые попал в Музыкальный театр.

Мое место оказалось в центре нижнего яруса, поэтому хорошо рассмотрел огромную люстру. Она вся была в переливающихся бирюльках и как-то уж очень тяжело висела над

партером. Наверное, страшно было сидеть под такой громадиной, а ну как упадет.

После третьего звонка люстра стала ме-е-едленно гаснуть, пока не погасла совсем.

Нам показали сценку из «Свадьбы в Малиновке».

Артисты говорили громкими ненатуральными голосами.

Потом был исполнен дуэт из оперетты Дунаевского «Вольный ветер». Остальные номера в памяти не задержались, но не сомневаюсь в их идеологической выдержанности — нас воспитывали на лучших примерах советской классики.

Дед Мороз и Снегурочка водили хороводы уже после концерта.

Особого веселья около елки не наблюдалось.

Отстояв небольшую очередь, я получил свой первый в жизни новогодний подарок, который принес домой.

В белом бумажном пакете были две мандаринки, одно яблоко, небольшая шоколадка, пригоршня ирисок «Золотой ключик» и пяток конфет «Раковая шейка».

«Золотой ключик» мне покупали не скажу что часто, но случалось — двадцать девять копеек за сто граммов.

Помнятся и другие ириски. «Молочный», «Кофейный», «Тузик» и «Кис-Кис». Мне нравился «Кофейный», а «Тузик» всегда был немного липкий и намертво приклеивался к зубам.

«Раковую шейку» я отдал маме — чай пить. От фруктов и шоколадки она решительно отказалась.

...Елка пахнет мандаринами, утверждает мой друг Миша Гольденберг.

Я с ним абсолютно согласен — новогодние елки нашего детства пахнут мандаринами. Их можно смело отнести к цитрусовым культурам.

...Красивое слово «культура».

Его даже написать приятно.

Такое многозначительное и такое многозначное.

Физическая культура, нравственная культура, культура речи, культура поведения, культура общения...

2014 год собираются объявить Годом культуры.

Это уже обсуждалось на встрече президента с представителями культуры.

Возможно, тогда и литература будет признана одним из элементов общей культуры нации. Хотя

надеяться на это не стоит. За последние четверть века писательское дело перестало считаться чем-то нужным и полезным, а система национального книгоиздания безвозвратно канула в небытие. И, вероятней всего, тонкие корешки региональной литературы, которые питают большое литературное древо страны, в скором времени окончательно засохнут. Это и ежу понятно, хотя ежи, насколько известно, книжек не читают.

Ах, как серьезны были деятели культуры, которые сидели за овальным столом у президента!

Невольно вспомнился «Тот самый Мюнхгаузен».

«Вы слишком серьезны. Все глупости на Земле совершались именно с этим выражением лица... Улыбайтесь, господа... Улыбайтесь...»

Куда там! Такое мероприятие! Можно сказать, эпохальное. Не до смеха, не до улыбок.

А юмор зависит от общей культуры общества? Или он сам по себе?

Рыжий клоун бьет палкой Белого, и у того на голове вскакивают огромные резиновые шишки — всем смешно.

Чарли Чаплин пинает недотепу-полицейского — взрыв хохота.

Волк, в очередной раз оставшийся в дураках, грозит кулаком Зайцу: «Ну, погоди!» Зрители утирают выступившие от смеха слезы.

«Мой дядя самых честных правил...» И современники Пушкина невольно улыбались, потому что в то время у всех на слуху был модный романс «Осел был самых честных правил».

«Песни чиновника» — так назвал Киплинг свой первый сборник стихов. Англичанам это представлялось ужасно смешным — чиновник запел.

Тонкий английский юмор. Настолько тонкий, что не сразу и поймешь, смешно это или грустно.

Читаю Диккенса: «...стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, дойдя до конца азбуки». Действительно, всего-то двадцать три буквы.

Я иногда чувствую себя тем приютским мальчиком.

Анекдоты моего детства были не смешными.

После войны люди только-только заново учились улыбаться.

Власть улыбки терпела, но не поощряла.

Смешки над представителями самой власти не представлялись даже в смелых снах.

Символ советской эпохи, статуя Мухиной «Рабочий и колхозница», вдохновляли исключительно на созидательный труд.

Я грустно улыбаюсь.

На мой взгляд, Мухину не расстреляли лишь по недомыслию.

Ее знаменитая работа появилась в самый пик сталинских репрессий. Двадцатипятиметровый монумент из хромированной стали украсил павильон СССР на Всемирной выставке в Париже. 1937 год.

Даже при беглом взгляде на «Рабочего и колхозницу» легко угадывается античный прообраз — скульптура «Гармодий и Аристокитон», известная почти два с половиной тысячелетия под названием «Тираноборцы». Дело в том, что Гармодий и Аристокитон по неизвестной нам причине решили убить тирана Гиппия. Покушение не состоялось, Гармодий погиб при аресте, Аристокитона замучили в пыточной, тем не менее этот несостоявшийся подвиг был позднее увековечен в медной статуе, которую установили в афинском Акрополе.

Вот так: «Тираноборцы».

Представляю, как веселились парижские искусствоведы, когда им довелось увидеть вдохновенный шедевр советского монументализма.

Думаю, что Мухину спасла лишь чудовищная необразованность нашей власти — как верховной, так и на местах.

В пятидесятые годы прошлого столетия образованности у нее не прибавилось.

Рабочие еще гордились своей принадлежностью к пролетариату.

Слово «шляпа», как признак интеллигентности, входило в разряд обидных: «Эй ты, шляпа!»

На партийных руководителей и вообще начальников, в число которых входили заведующие магазинами, это ругательство не распространялось — только на учителей, профессоров, разных там доцентов и вообще шляпоносцев попроще.

Дети своего времени, мы зимой ходили в ушанках, летом — в тубетейках, а в межсезонье носили кепки-восьмиклинки, на смену которым пришли пестрые «лондонки» с хвостиком на макушке.

Юмор тогда был доходчивый. Как говорится, без дураков.

В годы моего детства куплетисты с эстрады на полном серьезе исполняли известную песню, в которой после каждой строки добавлялись слова «в штанах» и «без штанов».

Считалось, что это смешно.

В Москве, в отдаленном районе (в штанах), семнадцатый дом от угла (без штанов).

Чудесная девушка Тоня (в штанах), согласно прописке жила (без штанов)...

И так далее до слов:

И парень я, в общем, не робкий (в штанах), но вот объясниться не мог (без штанов).

Гомерический хохот публики.

Вчера включил телевизор, чтобы послушать новости, и вместо привычного НТВ попал на TNT — вероятно, днем кто-то из домашних в поисках интересной передачи бродил по телеканалам.

На сцене выступал известный артист разговорного жанра Павел Воля.

Меня, говорил он, напугать трудно. Ведь я родился в семьдесят девятом, еще в СССР. Я пережил приватизацию, дефолт, «черный вторник», «лихие девяностые», расстрел парламента и монетизацию...

Да тебе, парень, и вспомнить нечего, подумал я.

В те же «лихие девяностые» ты вступил еще беспаспортным подростком и не знаешь, что значит по полгода не получать зарплату.

Эва, нашел страшилку — «черный вторник».

Дети в подвале играли в гестапо, пыток не выдержал слесарь Потанов.

Я вспоминаю свое детство, свою юность, вижу себя как бы со стороны в более-менее зрелом возрасте.

На ум приходят заклинания прошлых лет — все то, во что мы верили и что оказалось элементарным враньем.

Я включаю телевизор, слушаю сегодняшние сказки и понимаю: жизнь продолжается. И вечный бой, покой нам только снится.

Тихо в городе Пекине.

Спят на крыше воробы.

Два китайских мандарина чешут головы свои.

В то время Дед еще не был Дедом, а был Павлом Васильевичем — именно так все его звали. Дед — это седые космы, потухший взгляд, плохо выбритые щеки, а Павел Васильевич был видный жизнерадостный мужчина, который в относительном здравии дожил до шестидесяти лет.

На юбилей сослуживцы подарили ему красивые каминные часы, которые стали отсчитывать пенсионное время.

Для спокойной старости нужны дом на берегу и весельная лодка, решил Павел Васильевич. Озеро не должно быть большим, но и зарастающая болотным зыбуном ламбушка тоже не подойдет — в большом озере на веслах не ходят, моторный катер нужен, а в ламбушках только мелкий окушок и плотва водятся, ну еще щука... Но стоит ли из-за десятка шучек-травянок начинать строительство дома? Павел Васильевич был страстным рыбаком, и большую часть своего свободного времени он хотел посвятить рыбалке.

Так было выбрано место в небольшом дачном кооперативе на берегу Сямозера.

Времянку Павел Васильевич и его сын-отпускник Юра сколачивали на скорую руку, даже фундамент не стали делать: подложили под стены четыре бревна, уложенных на плоские камни, и решили, что этого достаточно.

Когда домишко был уже под крышей, на

стройку позвали дальнего родственника Ивана Петровича Коробкина, проще сказать, дядю Ваню.

Дядя Ваня был не дурак выпить и, как человек пьющий, умел делать все на свете. Его попросили поставить печь.

1986 год. Коммунистическая партия уже объявила перестройку, прошу прощения — Перестройку, именно так и только так — с прописной буквы — писалось это слово, но посылку никто не знал, в чем, собственно, перестройка заключается, то все еще жили в развитом социализме.

— Кирпич нужен, — сказал дядя Ваня.

А где при социализме, тем более развитом, можно взять кирпич? Его так просто не купишь, можно только «достать». Павел Васильевич съездил на кирпичный завод, и за пару бутылок водки и какие-то смешные деньги ему отгрузили то ли четыре, то ли пять поддонов как бы отбракованного кирпича. Бухгалтерия в этой деликатной операции не участвовала.

— Другого не нашел, — сказал Павел Васильевич дяде Ване.

— Нормально, — ответил дядя Ваня. — Сойдет для сельской местности. Да ты не бойсь. Сложу печь с гарантией — нас переживет.

Уже давно нет ни дяди Вани, ни Павла Васильевича, а печь стоит. У нее нет ни одной ровной стенки, ни одного прямого угла, но за-

то у этой печки прекрасная тяга, она быстро нагревается и долго держит тепло. Кроме того, топка у нее сделана не поперек, как обычно, а вдоль настила, и печь можно топить дровами любой длины, что тоже очень удобно.

Выпив честно заработанные «дымовые», дядя Ваня приложил к своей пролетарской кепке руку ковшиком, сказал «физкульт-привет», сел на рейсовый автобус и уехал, а Павел Васильевич и Юра остались достраивать дом.

За несколько дней до окончания отпуска Юра съездил в город, на родной судостроительный завод, и с разрешения начальства выписал машину обрезков и древесного лома, как было сказано в квитанции, «на дрова». Что Юра на самом деле погрузит, начальство не интересовало, оно на жизнь и производство смотрело масштабно, по-государственному, и в мелочи не вникало, а на вахте был предъявлен документ со штампом оплаты — «вот, все по закону», — и машину с территории предприятия выпустили без досмотра.

К началу сентября домик был построен, так что собранные грибы сушили уже на новой печке.

В ту же осень Павел Васильевич приобрел «Садовое строение № 3». В натуре это была куча брусков и досок. К набору стройматериалов прилагался простенький чертежик, с помощью которого любой энтузиаст мог якобы собрать нечто похожее на швейцарское шале.

Большое строительство Павел Васильевич полагал начать как только сойдет снег, но в его планы вмешался божий промысел, на этот раз принявший образ супруги.

Жена Павла Васильевича была обычной пожилой женщиной с необычным именем. Звали ее Аполлинария Марсовна.

Ах, как же это дивно звучит — Аполлинария Марсовна!

Однако Греция, тем более древняя, здесь совершенно ни при чем.

Дедушка бабы Поли, так обычно звали Аполлинарию Марсовну, Иван Порфирьевич Грач, жительствовавший в деревеньке среднего достатка Пензенской губернии. С весны до осени он крестьянствовал, зимой занимался извозом. Не во время ли длительных отлучек появилась эта странная мечта?

Когда у Ивана Порфирьевича родился тре-

тий ребенок, а было это в начале октября, и это был сын, он не понес младенца тотчас крестить, а позвал попа и дьякона к себе в гости, было сказано — «на именины».

Священнослужители знали, что именины у Ивана Порфирьевича в ноябре, но кобениться не стали и пришли без опоздания.

И были отварная курица и тертая редька с подсолнечным маслом, и большой чугунок картошки, и стопка румяных блинов, и хрустящие огурчики...

После третьей Иван Порфирьевич сказал, что в будущем видит народившегося сына военным, не генералом, конечно, нет, генералов из крестьянского сословия не бывает, а военным чином, чтобы была у него крыша над головой и казенная одежда, чтобы жил он без забот от войны до войны, а на войне показывал пример храбрости, потому что трусов среди Грачей не было и не будет.

— Поэтому, — сказал Иван Порфирьевич и налил еще по одной, — хотел бы я назвать будущего защитника отечества именем бога войны Марса.

— Эка тебя занесло, Иван Порфирьевич, — сказал батюшка, — назови Вячеславом. Очень мужественное имя. А по святцам будет его небесным покровителем благоверный князь Вячеслав Чешский.

Выпили, закусили.

— Мне бы хотелось Марсом, — тихо, но вместе с тем твердо сказал Иван Порфирьевич.

— Тогда уж Ратибором, — подал голос дьякон. — Негоже христианину чужих богов славить.

Иван Порфирьевич на это ничего не ответил, а принес из кладовой еще бутылку самогона.

— А что? — сказал батюшка и задумчиво посмотрел на бутылку с бумажной пробкой. — Марс — тоже красивое имя.

В общем, при должной настойчивости с духовной властью всегда можно договориться.

Все получилось почти так, как хотел Иван Порфирьевич, почти — потому что после крестин дьякон ни с того ни с сего вдруг решил свою ученость показать и записал младенца не Марсом, как уговорились, а на иностранный манер Марсием, что, впрочем, никак не повлияло на его дальнейшую судьбу. Как прадед, дед и отец Марс-Марсий всю жизнь крестьянствовал, особого достатка не имел, после революции в конце двадцатых был раскулачен и

выслан на север Карелии, где и умер. А его младшая дочь Аполлинурия в начале сороковых переехала в поселок Лоухи, стала там учиться на монтера радиоузла, за неделю до начала войны сдала экзамены и получила свою первую рабочую квалификацию.

Зимой Павел Васильевич и Юра не раз рисовали будущий дом и прикидывали, сколько на него уйдет материала. Аполлинурия Марсовна не сдерживала полет мужских фантазий, а весной веско сказала:

— Успеется с этими глупостями — картошку посадить нужно.

Действительно нужно, подумал Павел Васильевич. А как сажать, если половина участка в воде? Там вообще раньше болото было, в котором, как рассказывали деревенские старухи, в начале пятидесятых, как раз после смерти Сталина, корова утонула.

Павел Васильевич соорудил большой навес с крышей под рубероидом, чтобы приобретенные впрок доски не мочило дождем, а чтобы, наоборот, подсыхали они на вольных северных ветрах и набирали нужную звонкость.

После этого он занялся мелиоративными работами.

Юра тоже нашел себе занятие. Ему посчастливилось прикупить в Орзеге машину железнодорожных шпал, еще не обмазанных антисептиком. Юра позвал своего друга, и они за пару недель сложили аккуратную баньку. Это было правильное решение, потому что без бани на даче никак, она и удовольствие, она и необходимость — ведь ничто так не снимает дневную усталость, как хорошо протопленная русская банька.

Все лето Павел Васильевич провел, как китайский рисовод, по колено в воде, но своего добился: сеть канавок полностью осушила дачный участок, обнажилась кислая почва, которую еще надо было разбавить песком и хорошо удобрить.

В середине августа Аполлинурия Марсовна уехала в город: у нее разболелись ноги, да и как им было не разболеться, если почти три месяца проходила она то в галошах, то в резиновых сапогах.

Павел Васильевич остался на даче один.

Как-то он сидел у окна, а за окном шел дождь — нудный, мелкий, почти осенний.

Интересно получается, думал Павел Васильевич, рядом, за вымершей деревней, пустуют бывшие колхозные поля, где уже более полувека ничего не сеют, не сажают, о прежних сенокосных лугах и говорить нечего — они давно заросли ольшаником, а нашему кооперативу участки нарезали на каменистой горке, упирающейся в болото. Похоже, специально подыскали такое неудобье, где разве что гадюкам хорошо живется. И так везде, по всему северу. Не понимаю такой политики. В чем ее смысл? Чего добиваются власти?

Между тем дождь стал потихоньку стихать. Ветер отогнал серые брюхатые тучи в сторону озера, и над лесом, над вершинами елей, обозначилась голубая полоска чистого неба.

В эту минуту просветления Павел Васильевич понял, что большой дом, о котором он мечтал, появится еще нескоро, если он вообще будет построен. Значит, надо как-то приспособлять для жизни эту временку. А то, что маленькая, не беда — им со старухой хватит. Он даже не заметил, что впервые подумал о своей жене как о старухе...

В ту осень Павел Васильевич хоть и понемногу — пять, от силы шесть тачек в день — возил песок и перекапывал огород — раскислял почву. Возле баньки, на взгорке, он посадил два ряда кустов черной и красной смородины. А у домика успел обить снаружи три стены рубероидом и обшить их струганой доской. Но тут неожиданно выпал снег, и с большой досадой на природу Павел Васильевич вернулся в город.

В трудах и заботах время пролетает незаметно. Как грустно шутил Ролан Быков, лег — встал: Новый год.

В последующие годы неказистая временка превратилась в маленький уютный домик.

Стены Павел Васильевич покрасил в голубой цвет, накладные доски на углах — в белый, появилось небольшое крылечко с франтоватыми перилами, внутри, на стене около двери, соорудили крутой трап, который вел на чердак, где Юра сделал спальню для своей семьи. Но спать там было жарко, и Юра пристроил к домику веранду, а Павел Васильевич к этой веранде, как он сам говорил, «подшил» кладовочку с широкими полками. Внутренние сте-

ны домика Павел Васильевич аккуратно закрыл строительной фанерой, а фанеру оклеил обоями с яркими веселыми цветами.

Как раз в это время к садовому кооперативу подвели электричество, и Павел Васильевич с помощью соседей поставил на участке столб, а от него протянул провода к домику. Всю внутреннюю проводку он провел сам. Современные плоские провода Павлу Васильевичу не нравились, в них виделось что-то неприятное, почти солитерное, он поискал и нашел в одном из магазинов многожильный провод — как говорится, «из прежних» — в резиновой изоляции и текстильной оплетке, именно такой провод Павел Васильевич считал «настоящим».

Из мебели в домике поместились старая кровать, еще более старый диван с ободранной котами обивкой и кухонный столик с единственным выдвижным ящиком, а вот для телевизора «Юность» места уже не нашлось, и пришлось сделать специальную полку.

Строительством Павел Васильевич занимался под настроение. Большую часть времени он проводил на участке. Как говорила Аполлинария Марсовна, копался в земле. А он не копался, он ухаживал за землей, он понимал ее, и это было приятно. Не от предков ли крестьян досталось ему это проснувшееся чувство?

Уже росли на грядках лук, чеснок, укроп, морковь, свекла... В теплице набирали вес огурцы и помидоры. На двух полях-лоскутках теснилась картошка, на третьем поле, отведенном под пар, зеленела рожь. Прижились и стали плодоносить кусты смородины и крыжовника. И только яблони не хотели расти на этой почве с близко залегающими грунтовыми водами.

Это было обидно.

Павел Васильевич родился в деревне под Нижним Новгородом и с детства помнил большой сад в бывшем помещичьем имении. В своих мечтах он видел длинный стол из гладко оструганных досок, за столом — родственники и друзья, вкусно пахнет жареной рыбой, которая готовится здесь же, на летней кухне, и — что совершенно обязательно — с яблонь время от времени падают на землю спелые плоды: тук, а через некоторое время снова — тук, тук...

Но из родственников регулярно приезжал только сын, все остальные жили далеко, и у

каждого были свои заботы, из друзей же, да и то после долгих уговоров, однажды нагрянул товарищ по зимней рыбалке Илья Филиппович Машин.

Павел Васильевич и Илья Филиппович на резиновой лодке прокатились до ближайших тростников, где наловили «полосатых разбойников» — окушков, вечером сварили уху и немного выпили. По-стариковски, как сказал Илья Филиппович, даже бутылку на двоих не смогли осилить.

За столом Илья Филиппович сказал, что недавно написал о том, как и где довелось ему воевать, и эти фронтовые мемуары были напечатаны в молодежной газете. Павел Васильевич поздравил друга с публикацией, налил «за это дело» еще по полстопочки, а про себя подумал, что надо бы и ему заняться литературным трудом — «для воспитания молодежи». Благо, есть что вспомнить.

На следующий день после отъезда Машина Павел Васильевич достал с полки ученическую тетрадь в клеточку, долго искал ручку, но не нашел, и поэтому свои воспоминания он писал плотницким карандашом с толстым грифелем. Буквы получались большие и неуклюжие. Как у первоклассника, подумал Павел Васильевич.

Свои записки он назвал «Первый бой».

«На действительную службу меня призвали осенью сорокового. Жил я тогда в Горьковской области, в селе Ветошкино. Ночью на перегоне эшелон, на котором везли новобранцев — а было в нем 1200 человек, — был пущен под откос. Произошло это в двенадцати километрах от Ярославля и, как нам объяснили, в результате диверсии. Больше половины людей погибло. Я получил сильные ушибы, но остался жив. В Иваново команду доукомплектовали и отправили в Ленинград, оттуда — в Кемь, а из Кеми в Ухту, так раньше называлась Калевала, на учебный пункт 72-го погранотряда. Пройдя курс молодого бойца, я через два месяца оказался на 16-й погранзаставе 4-й комендатуры, это между Ухтой и Кандалакшей. Здесь стал пулеметчиком, если точнее, то первым номером станкового пулемета, вторым номером был Михаил Ляликов, а третьим номером, иначе подносчиком патронов, Михаил Комельков.

В сорок первом на границе было неспокойно.

Вот только один пример: был у финнов такой известный террорист Микко Осипов, он, бывало, переберется на нашу сторону, делает засаду на дереве, обстреляет пограничный патруль и убежит на финскую сторону. Не знаю, что делалось по дипломатической линии, а мы по своим тропам ходили с осторожностью и с апреля уже начали строить оборонительные сооружения, потому что точно знали — быть войне.

После нападения Германии на Советский Союз на советско-финской границе обстановка какое-то время оставалась без изменений, лишь происходили перестрелки патрулей. Вторжение неприятеля на нашем участке произошло 30 июня.

От начальника пограничного отряда А.Т.Гольцева был получен приказ: объединить соседние заставы и сосредоточиться в районе озера Хюневаара, где занять оборону. Я и еще три пограничника были оставлены на заставе до прихода противника. Нам было приказано в бой не вступать, а когда произойдет приближение противника, дать сигнал о вторжении и отойти в распоряжение отряда.

Это распоряжение командира, как я сейчас понимаю, было продиктовано тактическими соображениями. Ведь что такое отдельно взятая застава? Это двадцать четыре бойца. Разве могут они оказать существенное сопротивление противнику? А вот если несколько застав объединяются, то это уже сила, с которой необходимо считаться.

Оставшись вчетвером, стали мы готовиться к отходу. Собрали все воинское имущество, облили его бензином — это чтобы врагу не оставлять. Потом я пошел приготовить что-нибудь поесть. Только сделал омлет, с вышки подают сигнал: «Нападение!» Финны появились сразу с трех сторон — с фронта, тыла и левого фланга. Мы казарму подожгли и побежали к реке.

Там и состоялось у нас боевое крещение.

Следом за нами финны отправили в погоню человек тридцать.

Речка узенькая, метров восемь-десять в ширину. Мы в лодку прыгнули, оттолкнулись сильнее — и оказались на другом берегу. Затаились, приготовились к бою. Видим, несколько финнов сели в другую лодку, весла достали.

Только они на середине реки оказались, тут мы и дали им прикурить. Всех положили и не мешкая на пузе через кусты, через болотину — подальше от места засады. Метров двести пришлось проползти. На той стороне реки стрельба, но больше не суются — кому же хочется вот так дуриком себя под пули подставлять?

А мы побежали к соседней заставе. К ней финны подошли около пяти часов утра. Противника встретили сорок пограничников во главе с начальником заставы А. В. Карповым. Приказ был такой: принять бой, а потом отходить по дороге на северо-восток в сторону деревни Хюневаара, где был собран личный состав четырех застав под командованием начальника комендатуры капитана Яковлева.

Вскоре и туда подошли крупные силы противника. Мы приняли бой, который продолжался около трех часов. После перегруппировки финны предприняли новое наступление. Начальник комендатуры связался с командованием, и ему приказали отступить, чтобы сохранить силы пограничников. Для прикрытия оставили резервную заставу комендатуры и наш расчет станкового пулемета. Наш отход происходил под сильным ружейно-пулеметным огнем противника.

Там местность своеобразная — болота и редколесье. А дорога одна. По ней-то финны и наступали. Порядочно их было. Ну, повоевали мы, стали отходить. Я в команде прикрытия. Своего помощника чуть раньше отправил. Остался только с пулеметом. Действовал так: дам короткую очередь, отбегу, пристрою ствол пулемета на какой-нибудь кочке, еще очередь, снова отбегу. От финнов отстреливаюсь, да еще от комаров отбиваюсь — их в тот год много было.

Догнал помощника, и до своих мы добирались уже вместе. Мой второй номер Михаил Ляликов станком пулемета все плечи до крови стер. Но оружие мы не бросили. Командир построил отряд и объявил нам благодарность. Это и была моя первая награда с начала боевых действий».

Свои воспоминания Павел Васильевич так никуда и не отправил. Вначале постеснялся это сделать, а потом просто забыл о своем первом и последнем литературном опыте. Тетрадка до сих пор лежит в ящике стола, но пахнет

от нее не порохом и войной, а корвалолом, который нечаянно пролился из пузырька.

Когда гостил Машин, Аполлинии Марсовны на даче не было, уехала в город. Сказала, что надо показаться женскому врачу, может даже, выписать нужные лекарства — и уехала.

На самом же деле Аполлиния Марсовна терпеть не могла мужских посиделок, все разговоры на них о рыбалке да прежней работе, а выпьют мужики — войну вспоминают, ее же, хозяйки дома, словно здесь вообще нет. Уроды. Поговорили бы о дороговизне нынешней жизни или песню спели — мало ли хороших душевных песен? — только зря водку переводят.

Вернулась она через неделю, Павел Васильевич как раз покосившуюся калитку чинил.

— Скоро, наверное, отменят рейсы в нашу деревню, — сказала Аполлиния Марсовна. — В автобусе всего шесть человек ехало: двоих я не знаю, они сошли в Чуралахте, еще две внучки Кузьмина, совсем девки взрослые стали, я пятая и еще один интересный мужчина.

Она специально подчеркнула, что мужчина был «интересный», но Павел Васильевич по обыкновению на это внимания не обратил.

Интересный мужчина, как оказалось, приехал в гости к Желтухиным, хозяйствовавшим через дорогу.

Через некоторое время незнакомец вышел на улицу.

Был он высок, худощав, длиннорук, лицо украшала борода клинышком.

«Чем же он интересен?» — удивился Павел Васильевич.

Незнакомец вежливо поздоровался и сказал: — Какая необычная у вас калитка. Сами придумали?

— Нет, — сказал Павел Васильевич. — Сын как-то привез книжку о колониальном стиле в ландшафтном дизайне. Там я эту калитку подсмотрел, а уж сделал, как подсказал материал: две широких доски да сушина из леса.

«Интересный мужчина» рассмеялся.

— Колониальный стиль в карельской деревне — поучительный сюжет. Давайте знакомиться: меня зовут Аполлон Матвеевич.

Теперь улыбнулся Павел Васильевич, назвал себя и добавил:

— А жена у меня Аполлиния.

— Да вы что? — удивился Аполлон Матвеевич. — Где это такие редкие имена дают?

— В деревнях, естественно.

— Надо же, как далеко культура зашла. Мой-то папаша в театре работал. Актерской славы не снискал, зато всех детей назвал на классический манер — моя старшая сестра носит имя Диана, а младшая, всеобщая любимица, та — Виктория.

— Чем по жизни занимаетесь? — поинтересовался Павел Васильевич.

— Живописец. Прошу прощения за высокопарность, — все еще продолжая улыбаться, сказал Аполлон Матвеевич. — Член Союза, заслуженный работник культуры — сокращенно «засрак» — лауреат многих выставок и прочая, и прочая. Сейчас пенсионер, так что, слава богу, бутылки по мусорным контейнерам не собираю.

— А что, живопись уже не кормит?

— Живопись, особенно реалистичная, сейчас в загоне. Вот все ругают коммунистов, а у коммунистов, между прочим, идея была и соответствующая государственная линия. А теперь что? Теперь у нас страна чиновников, а чиновник только о себе думает, ничто его больше не интересует. Вот опять выборы на носу, как пишут, в муниципальные органы власти. Знаете, чем они закончатся? Выберут новых слуг народа, а те свою плодотворную деятельность начнут, как вы догадываетесь, с перестройки кабинетов, в прежних им, видите ли, работать совершенно невозможно. Тьфу! — в сердцах плюнул Аполлон Матвеевич. — Раньше худо-бедно заказы через худфонд поступали, музей ИЗО работы закупал, а сейчас — тишина и полное забвение. Третьяковы же и мамонтовы у нас пока не народились и будут ли вообще — большой вопрос. Сегодняшние богачи норовят свои деньги за рубеж вывезти, там они будут их тратить на приобретение недвижимости, потому что это самое надежное вложение капитала.

В это время из дома вышла Аполлиния Марсовна. Подошла к мужчинам.

— Вы уже познакомились? Что ж ты, Паша, не зовешь товарища в дом?

— Действительно, — спохватился Павел Васильевич. — Может, чайку?

— С удовольствием, — сказал Аполлон Матвеевич.

За чаем Аполлинария Марсовна поинтересовалась:

— Вы родственник Желтухиных?

— Нет, — сказал Аполлон Матвеевич. — Мы с Романом Егоровичем больше чем родственники, мы — соседи по гаражному кооперативу, а гараж в России — больше чем гараж.

Аполлинарии Марсовне были не совсем понятны эти тонкости мужской дружбы.

— Хотите варенья? — спросила она гостя. — У меня еще с прошлого года осталось. Крыжовниковое.

— Аполлинария угощает Аполлона крыжовниковым вареньем, — рассмеялся Павел Васильевич. — Скажешь кому — не поверит.

— Не вижу ничего смешного, — сказала Аполлинария Марсовна.

— У нас тех, кто носит божественные имена, принято угощать друг друга вареньем, и непременно крыжовниковым, — с улыбкой отметил Аполлон Матвеевич.

— Так и у меня не простое имя — апостольское, — поддержал шутливый разговор Павел Васильевич.

— Всего лишь апостольское, — подчеркнула Аполлинария Марсовна и, пользуясь благоприятной возможностью, рассказала любезному гостю историю своего отчества.

— Так вы, значит, не Марсовна, а Марсиевна? — вроде как удивился художник.

— А какая разница? — сказала Аполлинария Марсовна.

— Дело в том, что это два разных имени. С Марсом все понятно — бог войны, и точка. А вот Марсий... — Аполлон Матвеевич протянул хозяйке свою чашку: — Можно мне еще чайку?

— Да, пожалуйста, — в некоторой растерянности сказала Аполлинария Марсовна.

Аполлон Матвеевич принял из ее рук чашку, положил в чай сахар, тщательно размешал.

Было слышно, как в конце улочки, чуть ли не на последнем участке, который граничил с лесом, колют дрова: крек! и через некоторое время снова — крек!

— А вот Марсий, — сказал Аполлон Матвеевич, — Марсий был сатиром. Как-то Афина музицировала на флейте и увидела в зеркале, что при игре у нее некрасиво надуваются щеки. Она была женщиной и поэтому в сердцах

выбросила музыкальный инструмент. Марсий флейту подобрал и достиг в игре такого совершенства, что в приступе гордыни вызвал на состязание самого Аполлона. Финал известен: богов еще никому не дано превосходить. Марсий состязание проиграл. Аполлон подвесил дерзкого сатира на сосне и содрал с него кожу, а флейту выбросил в речку. Этот миф существует в нескольких вариантах, все они мне не известны, но зато знаю, что у фламандского живописца Якоба Йорданса есть картина под названием «Марсий, истязаемый музами». Вот такая грустная история.

В молчании допили чай.

— Не люблю сосны, — сказал Павел Васильевич. — В них чудится что-то бесстыжее.

Аполлон Матвеевич усмехнулся.

— Возможно, вы правы. Стоят точно девицы с задранными подолами. А вот для меня сосны — это море, дюны, паруса...

Когда художник ушел, Павел Васильевич включил телевизор, чтобы послушать последние известия.

Аполлинария Марсиевна молча убрала со стола.

— Шибко умный, — внезапно сказала она и, гордо вздернув голову, отправилась в теплицу поливать помидоры.

Именно в то лето, когда был написан военный мемуар, Павел Васильевич начал потихоньку превращаться в Деда.

Он словно усох, явственно выступили вены на руках, жилы на шее.

Ни с того ни с сего стали болеть колени, и он из вершинки прогонистой березки сделал себе батожок, с которым расставался только когда ставил сети.

— Я резиновую лодку спихну на воду, да и поплыву себе поближе к камышам, где окунь малька гоняет, а батожок, словно верный пес, ждет меня на берегу, — говорил он.

Потянулись годы, похожие друг на друга, как медные дореформенные пятаки.

Павел Васильевич сажал, окучивал и убирал картошку, перекапывал грядки, собирал на обочине проселка камни для строительства, понемногу, по три-четыре ведра, возил из карьера песок. Сделал бетонный парник, но

он получился неудачный, огурцы росли тонкие, скрюченные, Аполлинария Марсовна называла их зародышами.

Сети Павел Васильевич ставил в губе напротив дома, рыбы попадалось немного, но на уху и жареху хватало. Иногда, чтобы разнообразить стол, он ходил на лесную речку за щучками, которых ловил на рогульки-самоловки.

Много времени отнимала борьба с травой. Павлу Васильевичу приходилось, сидя боком на земле, жать ее серпом, потому что с обычной косой-стойкой развернуться было негде, а триммеры тогда еще не продавались, они только-только входили в повседневный обиход дачников.

С больными ногами много по лесу не походишь, поэтому грибы собирались в лесочке, который начинался сразу за кооперативом. А вот за клюквой нужно было идти ко второй ламбе, километра за три, и это серьезное путешествие было сродни подвигу землепроходца Афанасия Никитина.

За два лета Павел Васильевич сколотил два небольших сарайчика и крытый дровяник. Жили они с женой все в той же временке, которая с годами немного покосилась. И хотя материал имелся, сил на строительство большого дома уже не было. Юра же уехал на заработки в Мурманск, да так там и остался. Писем он не писал, лишь зимой время от времени звонил на городскую квартиру.

— Наше поколение выросло на вере в лучшее

будущее, — говорил Павел Васильевич, — появится когда-нибудь и у нас нормальная дача.

Этого будущего он не дождался.

На восьмидесятом году у Павла Васильевича случился сердечный приступ. Умер он в карете скорой помощи по дороге в больницу.

С той поры дача заброшена.

Аполлинария Марсовна, которой идет уже девятый десяток, туда не ездит. Без мужа, который вел хозяйство, ей на участке делать нечего, но и продавать его Аполлинария Марсовна не хочет — вдруг Юра вернется домой, к престарелой матери, нужно же ему где-то отдыхать летом.

...Недавно в городе прошла ретроспективная выставка, посвященная юбилею Союза художников. Среди десятков живописных полотен, представленных вниманию зрителей, была небольшая по размеру картина ныне покойного заслуженного работника культуры Аполлона Захарова. На ней изображена калитка в колониальном стиле на фоне картофельного поля и покосившегося домика с голубыми, но от времени выцветшими стенами. Огород заботливо обихожен, однако людей не видно, и, словно символы предстоящего запустения, на коньке просевшей крыши сидят две черные вороны. Называется эта работа «На излете лета».

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

